

(1818). 02.03.
(серв.)

Ширвиндт Михаил

МИХАИЛ ШИРВИНДТ:

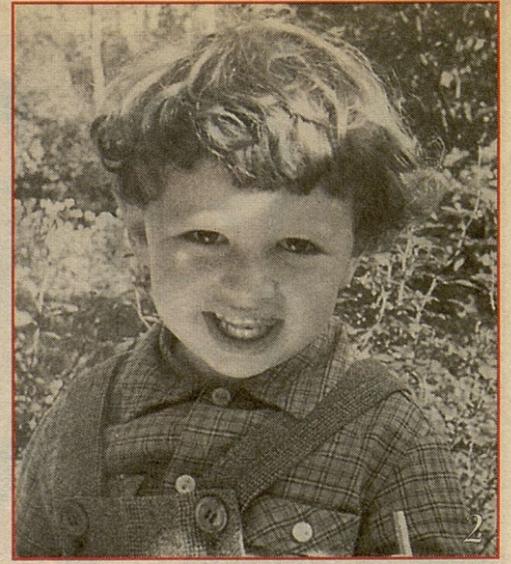
ПРЫЖОК ИЗ

“У МЕНЯ в доме бывает много известных людей, - рассказывает Михаил Ширвиндт. - Мои дети к ним привыкли и не считают за особенных и выдающихся. Точно так же все было и у меня в детстве”

ПИЖОН МИРОНОВ

- Я, КАК любой ребенок, любил, когда к родителям приходили гости: можно было не спать, а сидеть со всеми за столом, и при чужих людях на меня не орали за двойку. В общем, все, как у всех. Младшим в компании отца был Андрей Миронов. Он был ко мне ближе всех по возрасту, и его единственного я называл на “ты”. Андрей мне как-то сказал: “*Меня сначала даже немножко раздражало, что ты меня называешь на “ты” (а я его за своего держал!), а потом стал этим гордиться. Понял, что значит, я еще молодой.*”. Когда мы познакомились, мне было лет 11-12. И я совершенно не понимал, кто такой Андрей Миронов. Это осознание пришло позже, когда вышла “Бриллиантовая рука”, и я даже взял у него автограф, который до сих пор у меня хранится. На открытке-фотографии из серии “*Наши любимые актеры*”, купленной в ларьке за шесть копеек, написано: “*Миша, а ведь твой папа тоже неплохой актер. С уважением, Андрей Миронов.*”

Андрей был патологически чистоплотный человек. Однажды отцовская компания подарила ему на день рождения живого поросенка. Он эту свинью тут же сунул в ванну и мыл ее, мыл... Двое суток она жила в ванне, пока Андрей ее куда-то не пристроил. А сам он мылся круглосуточно. Мы часто ездили вместе на гастроли - родители брали меня с собой. И когда мы где-то ночевали, то меня селили с Андреем в одном номере. Я помню, как мы приехали в какой-то город, и он сразу погнал меня в душ. После этого мы поужинали в гостиничном ресторане, вернулись в номер. Я раздеваюсь и в кровать, а он: “*Куда?! Мыться!*” Я говорю: “*Я сегодня мылся.*” Я был упрямый, мерзкий и доказал, что имею право на самостоятельное решение. А однажды нас по ночной Риге везла на своей машине какая-то дама. Вдруг машина встала. Дама говорит: “*Ой, я не знаю, что делать.*”. Андрей, ничего не понимая в машине, сказал: “*Открой капот.*” Она открыла, он заглянул, долго смотрел, по-

том произнес: “*Какая грязь, ужас. У тебя есть тряпка?*” Она дала ему тряпку, и он минут пять все там протирал. Потом сказал: “*Попробуем.*” И машина завелась.

А как-то мы ехали на его “Жигулях” в Ленинград. Я помню, как отец сидел за рулем, а Андрей - рядом и тряпочкой протирал салон, а иногда - папашу, чтобы все было аккуратненько. Вдруг дикий крик: “*Стой!*” - и резко по тормозам. Он выскакивает из машины. А это муха разбила о стекло, и там... пятно. Он вытер стекло и сел, успокоенный.

А как он танцевал... Когда ехал в машине по пустому шоссе, танцевал прямо за рулем - рулил в такт музыке. А если его уж совсем распирало - когда пел Синатра или Хампердинк, - он выскакивал из машины и начинал танцевать. Правда, только на пустынной, проселочной дороге, где никого, кроме нас, не было. Андрей был меломаном. У него была сумасшедшая по тем временам стереосистема, он невероятно ценил правильный звук, собирал американский джаз. От него мне передалась фанатичная любовь к Фрэнку Синатре. А еще он был в хорошем смысле пижон. Носил только модную и элегантную одежду. И курил только сигареты “*Мальборо*”. Хотя чего ему это стоило! Я не представляю,

На фото:

1. Мама с сыном Мишенькой.
2. Мишенька.
3. Студенческие годы.
4. Александр Ширвиндт и Андрей Миронов на даче.
5. Молодой папа.
6. "Счастливая семья": с женой и...

как он их добывал. А когда театр приезжал в Ленинград на гастроли, он жил в "Астории", причём в одном и том же номере. Хотя по бюджету и по статусу театру было положено жить в "Октябрьской". Уже тогда Андрей жил так, как считается нормальным жить сейчас. Иначе он не мог.

ПЭРЕНЬ И ЗДЕСЬ

- В ДЕВЯТОМ классе я попал в блатную мидовскую школу, где было много детей дипломатов, которые на все лето уезжали к родителям - например в Швейцарию. А я совсем не был мажором. Недавно снимали программу "Однокашники", и кто-то из наших девушек сказал про меня: "Появился Миша Ширвиндт, модно одетый - в красном пиджаке и вельветовых джинсах." Этот наряд в десятом классе папа привез мне из Италии. А я отдал его фарцовщику - он попросил дать ему эту одежду на время и должен был через час вернуть. Конечно, больше я его не видел. Но именно в этом costume меня запомнили одноклассники и считали пижонком. Никто не знал, что клеши и модные рубашки давались мне

кровью. Помню, я купил себе в магазине брюки 56-го размера, бабушка мне их ушила, и получился модный клеш.

Первый раз я женился еще в институте. Уж очень пристально за мной следили дома. Я был лишен всех свобод, и мне нужно было вырваться оттуда любой ценой. Это было дачное знакомство. Женат я был года три-четыре. У меня сыну уже 22 года. Это был период, когда меня чуть не отчислили из института.

У нас была лихая тройка: Саша Яковлев-Сергеев, Толя Дудник и я. Мы частенько прогуливали. Студенты-первокурсники играют в массовках Театра Вахтангова. Евгений Рубенович Симонов в то время ставил к 7 ноября спектакль "Гибель эскадры", где заняты были два курса. Мы играли матросов. Была назначена генеральная репетиция. Накануне мы поехали к одной нашей однокурснице на дачу отмечать ее день рождения, а утром должны были быть в театре. Надо отдать нам должное - мы и не встали даже, не могли. Лежали, попивая вино. Когда к вечеру мы приехали в Москву, началась жуткая буча... оказалось, что в этот день не пришел практически никто с нашего курса. И Симонов орал (а мы были как раз его курсом): "Почему?! Почему осетины здесь (они учились на параллельном курсе)?! А где русский курс? Где Тур, Дудник, Лауциль, Ширвиндт?" Рус-

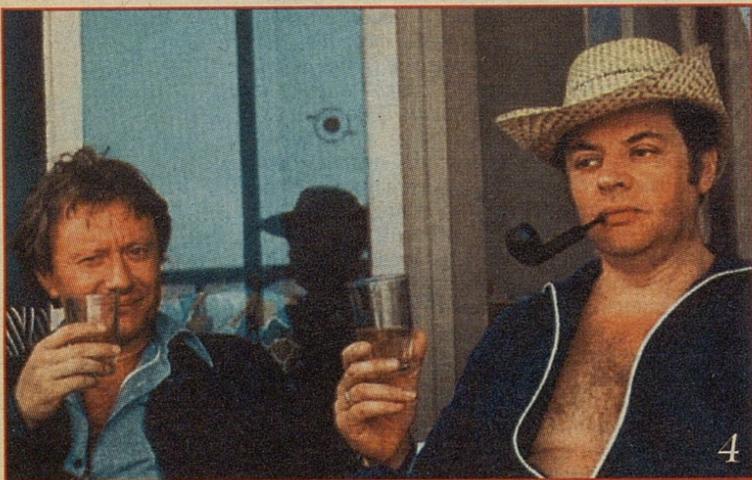
ский курс... Все, кого не было, быстро принесли справки. Кроме нас, про которых все, включая Симонова, знали, что мы на даче. И вот тут нас почти отчислили, потому что стипендии мы уже были лишены и выговоры были. Нас оставили условно.

Вскоре после этой истории в зоомагазине на Арбате я купил двух цыплят. У цыплят смертность - один из десяти. Я купил двух, не знаю зачем. Они стоили тридцать восемь копеек. Принес их в институт. А у нас в буфете стояла старая заброшенная плита, без верха, то есть такой большой короб. Я их посадил туда, насыпал им крупы, водички налил. И вот парадокс: шли дни, недели, они росли. Больше того, я приходил в буфет, брал сосиску, чай и слышал: "И еще двадцать копеек за цыплят - я дала им макароны, и они пили газировку". Замечательный режиссер Гарик Черняховский дал им имена. Одного назвал Перень, а другого - Здесь. Почему? Непонятно. Но тут же весь институт это принял. И они выросли в таких жутких серых жилистых подростков с начинающимися гребешками, начали вылетать из плиты и носились по всему институту. Их все обожали. И вдруг куры исчезли. Их нет день два. Институт в трауре. На занятии по истории партии вдруг открываются двери и входит зав. кафедрой сценической речи Татьяна Ивановна Запорожец, плотная, крупная женщина, и начинает орать: "Ширвиндт, встань!". Я вскакиваю. И она: "Как ты смел? Я тебе так не оставлю издевательство над этими несчастными животными. Я вынуждена была их забрать, чтобы прекратить это надругательство! Что ты молчишь?" Ну, я и ответил: "А что я могу сказать? Приятного аппетита!" Она побагровела, а все грохнуло. Меня после этого чуть снова не выгнали.

«УТИЛЬ»

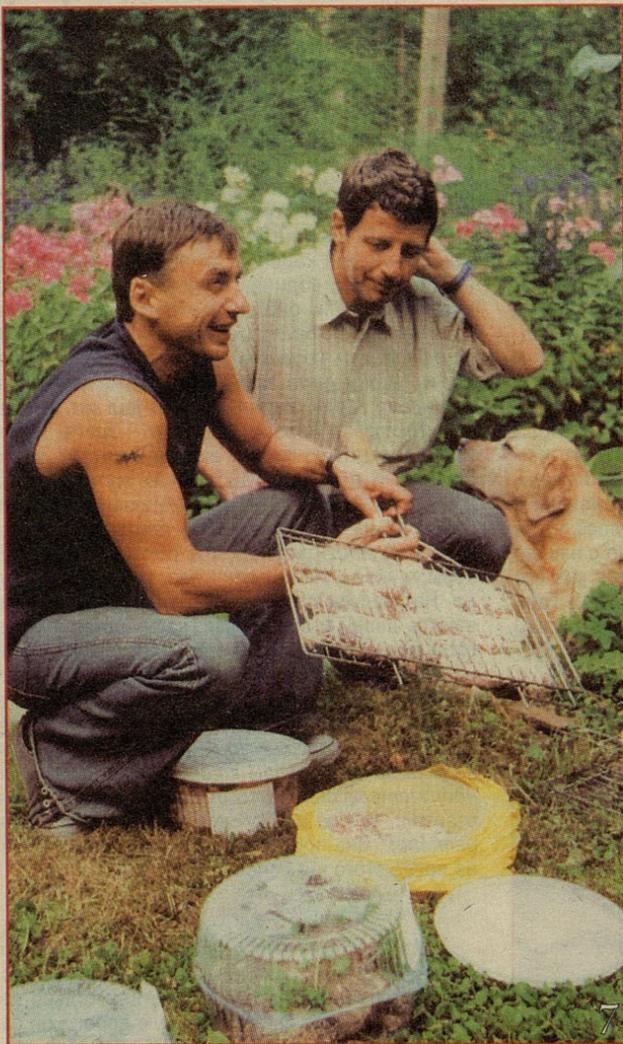
- У ОТЦА была "Победа". И с самого раннего детства я ездил с ним на дачу на этой машине. Так постепенно и начал рулить. Как только мы съезжали с шоссе на проселочную дорогу, он сажал меня на колени и давал мне руль. Так продолжалось лет пять. Но едва ноги стали доставать до педалей, я принялся на них нажимать. В классе девятом стал самостоятельно водить, а в институте у меня появилась своя машина. К тому времени я уже был полностью самостоятельным, даже женился. И машина шла фактически как приданое. Это была третья модель "Жигули", очень старая. На этой машине я изучил устройство автомобиля. А потом она начала гнить. Изначально она была белого цвета, но об этом сложно было догадаться. Цвет стал желто-гнилым. А тогда гаишники любили, чуть что не так в машине, снимать номера, и потом надо было проходить техосмотр. А в моей машине - чуть ткни ее пальцем - тут же появлялась дырка. Каждое утро я выходил из дома и видел ржавую кучу. Но у меня был баллончик белой нитрокраски для холодильника. И как люди чистят зубы каждое утро, так я каждое утро прямо по грязи красил машину белой краской. К вечеру она отпадала вместе с кусками машины. Но полдня я мог спокойно ездить. Наконец у меня появился друг-гаишник, который выдал мне пачку постановлений о снятии номера. Они лежали у меня в багажнике, и я каждый день выписывал себе снятие номера, пока наконец-то не решился ее продать. Тогда, в начале восьмидесятых, продавать машины было очень удобно. Если ты покупал машину, скажем, за семь тысяч рублей, то через три года мог продать ее за двенадцать. Вот была жизнь! Вокруг машин был жуткий ажиотаж. Я же продавал свою машину через комиссионку, потому что желающих купить ее не было. Магазин оценил ее в три тысячи и снабдил униженным для меня описанием: "Состояние кузова - катастрофа, резина - невозможная". В графе "Общее состояние машины" они написали оскорбительное и страшное для меня слово - "утиль". В итоге мою бедную машину уценили в три раза, и только тогда ее кто-то купил - не знаю зачем.

И все же наличие даже такой машины доставляло мне великое удовольствие. Я был одним из немногих студентов, приезжавших в институт на машине. Мой однокурсник купил себе "Запорожец" - горбатый, маленький. Однажды он припарковался так, что просто уперся мне сзади в бампер. Специально, чтобы я выехать не мог. Я вижу, что перед институтом сидят и курят первокурсники. Я говорю: "Ребята, помогите оттащить." И мы, человек семь, как пушинку, взяли эту машину и оттащили в сторону. Она оказалась невероятно легкой. Рядом шло строительство, и я предложил: "А давайте занесем ее на третий этаж стройки." Все воодушевились, прибежало еще человек десять. И мы в одну секунду сделали это. Я, к сожалению, не мог дождаться эффекта, а он, рассказывая, был потрясенный. Приятель метался по двору. Первокурсники молчали. Он понимал, что ее не угнали, что это мои проделки, но не мог понять, где она. И лишь минут через сорок ему кто-то сказал: "Ты наверх не пробовал смотреть?" Он увидел свою машину, мигающую огоньками (мы включили габариты), на третьем этаже. И самое смешное, что студентам, которые с легкостью и удовольствием занесли ее наверх, тащить ее вниз совершенно не хо-

ОКНА

трудно было что-то купить, и потому все тащили с собой что-то на продажу и обмен: насосы, утюги, электротехнику. Однажды перед поездкой в Венгрию ко мне подошел Сеня Альтов, который писал пьесы для театра Райкина. Его сестра была замужем за венгром, и он хотел послать со мной и Леней Тимцуником два маленьких цветных телевизора на продажу. Сказал мне, что у Володи Винокура схвачена таможня, поэтому все будет нормально. Я согласился. Сеня привез к поезду две хозяйственные сумки, которые даже не закрывались. В купе сумка никуда не влезала, и я поставил ее под столик. По мере приближения к границе все стали спрашивать друг у друга: "А куда ты спрятал насосы?" - "А ты?" И меня начало потихонечку колотить. На каком-то перроне на Украине к нам подошла тетка из другого вагона и попросила: "Извините, пожалуйста, вы не могли бы мне утюг провезти? Вы же все равно телевизоры везете." В ответ мы сказали что-то типа: "Пошла вон." Когда поезд остановился на границе, я сказал Тимцунику: "Значит так, когда нас свинтят, не будем топить Альтова. Давай говорить, что это телевизоры Винокура". Заходят пограничники и спрашивают: "Кто здесь Ширвиндт?" Я, готовый уже ко всему, говорю: "Я". Он: "Кто второй?" Я: "Никого." Он: "Телевизор ты везешь?" Я в ответ: "Да", - глупо отнекиваясь, вот же он стоит. И он еще раз: "Так, второй кто?" - "Как там его: Тампуник, Цумпаник?" Леня входит к нам в купе - пришел сдаваться. Все сидят, как мы-

телось. Поэтому это ему стоило довольно большого количества бутылок пива.

Потом я несколько раз менял "Жигули". И всегда они доставались мне по блату. Я семь лет работал в "Сатириконе", и все семь лет стоял вторым в очереди на приобретение машины. За семь лет очередь не сдвинулась ни на шаг. Я так вторым и остался. Наконец замаячила перестройка, наступил 1987 год. И вдруг кто-то говорит: "Вроде бы в исполкомах через торговые отделы распределяют машины". Я приезжаю в наш районный исполком от театра и заявляю: "Машину хочу. Вы занимаетесь тут чем-то или нет? Где машины?" А мне: "А вам какую?" Я ору на них: "Какая разница, какую? Мне машина нужна". Меня еще раз переспрашивают: "Какую?" Я говорю: "Жигули". Мне: "Шестерка вас устроит?" - "Да, меня все что угодно устроит!" А мне отвечают: "Да что вы кипятитесь? Вам сколько нужно?" Вот этот вопрос меня окончательно поверг в шок. Он добавляет: "Вы же для театра?" Я в растерянности: "Да." - "Ну и сколько?" Я еще в шоке: "Когда вам нужно дать ответ?" - "Чем быстрее, тем лучше, потому что сейчас машины есть". Договорились, что завтра я дам ответ. Прибегаю в театр и вешаю объявление: "Желающие приобрести автомобиль "Жигули" шестой модели, обращайтесь к Ширвиндту." На меня все смотрели, как на больного. Обратился ко мне... один человек. На следующий день я пришел в исполком со списком из двух фамилий. Через три дня мы купили две машины по себестоимости - за восемь тысяч рублей, а на четвертый день торжественно приехали в театр. На пятый день в списке было около 700 фамилий. На шестой день я пришел в этот исполком, и на меня вдруг посмотрели, как на сумасшедшего: "Какой торговый отдел?" - "Да я вот тут машину купил." - "Какую машину?!" Исчезло все, как в сказке. Это были мои последние "Жигули". Хорошая была машина.

ВИНОКУР - ХОЗЯИН ТАМОЖНИ

- МОЕЙ первой границей стала Болгария. Помню, как стоял в поезде и ждал, когда переедем границу и почувствуем этот другой воздух... Мы приехали в город Плевен. Вышли из поезда. Это был маленький провинциальный городочек. Поселились в гостинице и сразу пошли с Таней (тогда она еще не была моей женой) смотреть за границу. Увидели супермаркет. Сейчас я понимаю, что там был скудный ассортимент, но по сравнению с Москвой 1984 года - это было потрясение.

За границей мы на всем экономим, у нас были мизерные суточные. Артисты Большого театра научили меня варить суп в термосе. Нужно было утром в термос насыпать сухой суп и залить кипятком (кипятильник, естественно, был с собой) и закрыть до вечера. Как-то Костя Райкин встретил меня в гостинице и спросил: "Ты в музее мяса был?" "Музеем" оказалась мясная лавка - там кругом висели туши и окорока. Мы смотрели на это совершенно обалдевшие.

Конечно, обмундирование себе мы тоже старались добыть за границей. На одни суточные

ши, - понимают, что шутки кончились и наступила расплата. Нас повели в здание вокзала. Открывают дверь в какой-то кабинет, а там... Накрыта поляна, сидят человек пять таможенников, а во главе стола... Винокур, или его двойник, ну, в крайнем случае, - родной брат. Так и оказалось, он был начальником этой таможни. Говорит: "Заходите, Вова сказал, чтобы вас встретили." И я понял, что у Винокура действительно схвачена таможня. Нас поили, кормили контрабандной икрой, словом, всем, что было конфисковано. Вдруг слышим какой-то шум, гам, входит Костя Райкин с перекошенным лицом. Видит все это безобразие, и у него лицо от бешенства перекашивается в другую сторону, потому что он ведь шел спасать нас, а мы уже пьяные.

ТРИ ЦИФРЫ И ТРИ БУКВЫ

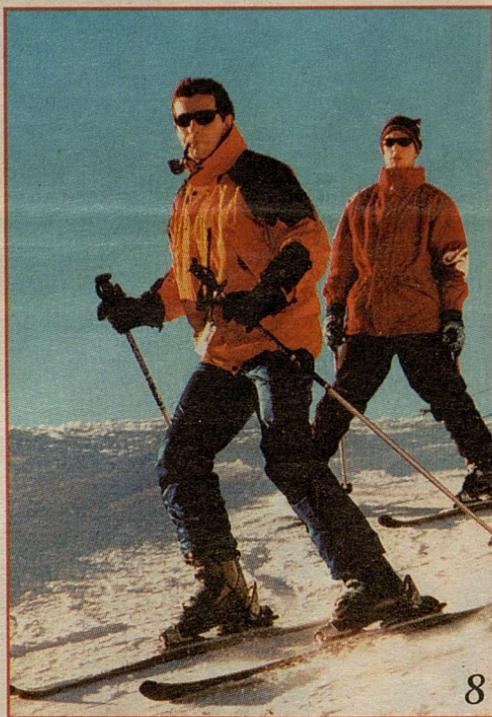
- КОГДА я начал вести на телевидении программу "Лотто-миллион", то испытал на себе то, что называется "проснулся знаменитым". Программу так раскручивали, что первую передачу посмотрели все. У славы были свои преимущества. При встрече с гаишником на слово: "Штраф", я отвечал: "Ладно, я, так и быть, тебе три номера скажу из следующего тиража (а там шесть номеров надо было угадать). Только - никому, а то выигрыш будет маленьким". Некоторые просили: "Четвертый скажи", - на что я твердо отвечал: "Не могу, на четвертый подписку давал." Если бы об этом узнали организаторы игры, меня бы просто пристрелили в подворотне. И так народ не верил во все эти игры. Кончилась эта затея трагически - меня остановил мент, который уже купился на эту историю, и честно, как дурак, заполнил вариантов сто с этими цифрами. Ну, вот тут уж было все: и штраф, и прокол. У меня не было никаких претензий. Попался - значит, надо отвечать за авантюру. Я на его месте поступил бы точно так же.

В моей жизни самая страшная игра - это МММ. Я вложил туда все, что накопили я и моя жена за всю жизнь, и еще одолжил большую сумму на работе. Я решился на это, потому что друзья мне сказали, что пока играть можно. Говорили, что еще месяцев шесть это все продержится, а уж три - точно. Я не был Леней Голубковым, понимал, что пирамида рухнет, но рискнул и был наказан. Обрушение произошло в тот день, когда я собирался забрать деньги. В то жаркое лето я попал в реанимацию с двухсторонним крупозным воспалением легких. Профессор показывал меня студентам и говорил, что у меня воспаление легких божья, который зимой надрался и заснул на асфальте. Все те акции у меня до сих пор хранятся.

Я по природе человек достаточно независимый. Поэтому давно не работаю в театре, хотя меня приглашают, - актерская профессия очень зависимая. Однажды мой товарищ, театральный режиссер, умолял меня сыграть главную роль в своем спектакле. Я отказывался. Но он все равно дал мне пьесу со словами: "Прогляди ее. У меня сейчас репетиция. Это будет гениально", - вышел из кабинета и запер дверь. Прошло два часа. И я в ужасе от сознания, что сейчас меня в наручниках вытащат на сцену, выпрыгнул в окно. Это был полупотурный этаж. С тех пор этот режиссер мне больше не звонил.

Записала Марина ЗЕЛЬЦЕР

Фото Ильи Шпиза, из семейного архива, из книги Б.Поюрковского и А.Ширвиндта "Былое без дум"

8

На фото:

7. С Антоном Табаковым на даче.

8, 9. Любимые занятия: лыжи и домино.

9